ПОПАДАНКА
ТОЛЬКО Я ТЕБЯ ПОМНЮ
ЛИЛИЯ РОМАНОВА

Лилия Романова

Попаданка. Только я тебя помню

https://litres.ru/74693074
SelfPub; 2026

Аннотация

чужом мире я собиралась задержаться на неделю. Дождаться обратного рейса, закончить рисунок и больше никогда не выходить через незнакомые двери.

Потом встретила Леона.

Он умеет рассмешить меня, чинит самые упрямые вещи и каждое утро заново знакомится с собственной сестрой. На рассвете люди этого мира забывают, что любили его. Только я помню наш вчерашний вечер.

Мне казалось, этого хватит для счастья. Но любовь не может заменить человеку весь остальной мир. Леон способен освободиться от обета — ценой своих воспоминаний. В том числе обо мне.

Как отпустить любимого, если после этого ты станешь для него незнакомкой? И можно ли выбрать друг друга снова, когда общее прошлое осталось только у одной?

Самостоятельная история взрослой любви с завершенным счастливым финалом.

Содержание

Глава 1. Дверь за кулисами 4
Глава 2. Утро без знакомства 14
Глава 3. Человек при документах 25
Глава 4. Не единственная на свете 36
Глава 5. Цена свободы 46
Глава 6. Место у окна 56
Глава 7. Отмененный день 69
Глава 8. Неделя дома 78
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Лилия Романова
Попаданка. Только я тебя помню

Глава 1. Дверь за кулисами

Дверь, которая испортила мне жизнь на ближайшие полчаса, была выкрашена в знакомый серый цвет. Краска облупилась возле ручки, под ней виднелся зеленый слой, еще ниже — коричневый. Я знала эту дверь лучше, чем некоторые лица: три недели носила мимо нее картонные дворцы, переделывала чужие облака и убеждала режиссера, что ночь на сцене вполне может обойтись без огромной серебряной луны.

В тот вечер я задержалась одна. У портрета, за который уже получила половину платы, никак не складывался рот, и мне хотелось поскорее оказаться дома, где можно было сердиться на него без зрителей. В сумке лежал телефон с сообщением от Иры: «Ты опять забыла поесть?» Я ответила, что нет, хотя помнила только булочку, съеденную над раковиной в мастерской.

Передо мной по коридору шел мужчина в длинном светлом пальто. Под мышкой он нес плоский ящик, а свободной

рукой возился с чем-то у дверного косяка.

— Придержите, пожалуйста, — попросила я.

Он обернулся, но поздно. Я уже подхватила локтем створку, прижала папку к боку и переступила порог.

Вместо служебного двора с двумя мусорными баками передо мной оказалась лестница. Широкие светлые ступени спускались к круглой площади. Над площадью висели фонари без проводов, и на противоположной стороне поднимался дом с открытой галереей, которого не могло быть ни в нашем городе, ни в знакомой мне театральной пристройке.

Я остановилась так резко, что мужчина задел меня ящиком.

— Назад не шагайте! — сказал он по-русски.

Дверь захлопнулась.

Я ухватилась за ручку. Вместо нее ладонь встретила холодную выпуклость камня. Позади стояла глухая стена, в которой темнел узкий прямоугольник, похожий на заложенный вход.

Некоторое время я просто смотрела на свою ладонь.

— Это декорация?

Мужчина поставил ящик на ступень.

— Нет.

— Тогда откройте.

— Сейчас нельзя.

— Вы не поняли. Я вышла из театра. Мне нужно обратно в театр. У меня там куртка.

Куртка была самой глупой из возможных причин, однако именно она почему-то казалась убедительной. В мире, где оставалась моя синяя куртка, существовали автобус, квартира, сестра и заказчица, которой я обещала портрет к пятнице. Все держалось на одной оставленной вещи.

Мужчина медленно снял с плеча ремень ящика.

— Меня зовут Феликс. Я проводник Межмировой службы. Сейчас мы в Лиаре. Я должен был проверить коридор перед закрытием порога и не проверил. Это моя ошибка. Я помогу вам вернуться.

Я рассмеялась. Получилось некрасиво, коротко.

— Еще раз, только нормальными словами.

Он повторил. Не добавил ни загадочного пророчества, ни обещания, что со мной ничего не случится. Я спросила, где камера. Он не понял. Я достала телефон, увидела отсутствие сети, включила запись и сняла стену, лестницу, фонари и самого Феликса.

— Отправить отсюда не получится, — сказал он. — Электронная связь пороги не проходит.

— А люди проходят.

— По оформленным маршрутам.

— Я, кажется, прекрасно обошлась без оформления.

Он принял это без возражений и предложил сесть. Я отказалась, потом все-таки села на ступень, потому что колени неприятно подрагивали. Камень сохранял дневное тепло. Где-то ниже стучали колеса. Над крышами лежало темное

небо, и расположение звезд ничего мне не говорило: я и дома знала только три созвездия, да и в них постоянно ошибалась.

Феликс присел на соседнюю ступень, оставив между нами место для папки.

— Завтра оформим происшествие. Вам выдадут обратный билет и жилье. У нас есть фонд на такие случаи.

— Значит, это происходит часто?

— Редко. Фонд существует не только для этого.

— Завтра я вернусь?

Он потер ладонью лоб.

— Ближайший рейс по вашему маршруту через семь дней. Сегодняшний завершен.

Теперь я встала.

— Семь дней? У меня работа. У меня сестра решит, что я пропала. Вы можете открыть дверь, через которую сами меня провели!

— Я могу открыть незарегистрированный выход. Только он окажется не там, откуда вы пришли. И я не возьмусь провести вас через него.

— Очень удобно.

— Нет, — сказал Феликс. — Совсем неудобно. Для вас прежде всего. Я понимаю, что вы мне не верите. Пойдемте в Палату переходов. Там есть ночной служитель, регистрационная книга и люди, перед которыми я обязан объяснить свою ошибку.

Я прижала папку к груди и пошла за ним. Выбора это не

делало приятнее, но сидеть у стены было еще хуже.

Мы миновали площадь, где женщина в переднике закрывала складные прилавки, и поднялись под аркаду. Возле одной колонны горел тусклый фонарь. Феликс поднял его крышку, переставил внутри плоскую пластину и получил мягкий золотистый свет.

— Накопитель перегрузили, — пояснил он, заметив мой взгляд. — Слишком много светильников на одну зарядную полосу.

Мне хотелось потребовать, чтобы он не разговаривал со мной о хозяйственных мелочах посреди невозможного. Вместо этого я спросила, можно ли здесь купить бумагу. Феликс удивился, потом кивнул. Бумага почему-то успокоила меня сильнее фонаря.

В Палате переходов оказалась закрыта внутренняя дверь. Феликс поговорил с охранником на языке, в котором я не разобрала ни слова, постучал еще в одну дверь и попросил подождать.

— Не уходите с галереи. Я найду служителя.

— Далеко я без языка не уйду.

— Завтра вам выдадут речевой знак.

— Завтра у вас чрезвычайно богатый день.

Он кивнул так виновато, что я отвела глаза.

С галереи спускалась короткая боковая лестница. Я села на третью ступень, поставила сумку рядом и наконец увидела, что резинка на папке лопнула. Когда я попыталась под-

хватить верхний лист, сквозняк выдернул сразу несколько рисунков. Один скользнул вниз, второй лег лицом на камень, третий подлетел, будто собирался покинуть этот мир раньше меня.

За ним протянулась чужая рука.

Мужчина, стоявший у подножия лестницы, прижал лист к колонне ладонью. На нем были темные рабочие брюки и рубашка с закатанными рукавами. Через плечо висел кожаный ремень, а на ремне — плоский футляр. Он что-то сказал, поднял остальные рисунки и протянул мне.

— Спасибо, — ответила я. — Только я вас не понимаю.

Мужчина посмотрел на меня внимательнее. Я показала на ухо, покачала головой, потом изобразила ртом беззвучную болтовню. Он улыбнулся едва заметно, и почему-то от этой улыбки мне захотелось плакать.

Я отвернулась, складывая листы. Незнакомец не приблизился и не стал заглядывать в лицо. Он сел ниже, на расстоянии двух ступеней, достал из кармана тонкий шнурок и протянул мне. Я обвязала папку, показала большой палец. Он повторил жест с таким серьезным видом, что я все-таки рассмеялась.

Один рисунок остался у него в руке. Эскиз театральной лестницы — торжественной, совершенно непригодной для ходьбы, с перилами высотой по колено. Незнакомец провел пальцем над линией ступеней, показал на настоящую лестницу и вопросительно поднял брови.

— Для сцены, — сказала я и сразу вспомнила, что это бесполезно.

Пришлось встать, сделать два преувеличенно величавых шага, приложить ладонь ко лбу и изобразить трагический взгляд вдаль. Мужчина сперва смотрел с опаской, потом откинул голову и засмеялся. Я поклонилась. Он похлопал свободной рукой по колену.

Это был первый понятный разговор с тех пор, как я открыла серую дверь.

Я забрала эскиз и вытащила чистый лист. Показала карандаш, потом на него. Мужчина приложил руку к груди.

— Да, вас. Вы же никуда не торопитесь?

Он, конечно, не понял вопроса, однако понял намерение. Расправил плечи, поднял подбородок и сделался настолько официальным, что я замахала рукой. Указала ему на место у колонны, потом сама прислонилась боком к камню, показывая, как нужно сидеть.

Он подчинился, но выражение лица осталось таким, словно его собирались поместить на городские ворота с подписью «Разыскивается за чрезмерную серьезность».

Я начала с линии виска. Свет падал сверху и немного сзади, оставляя рот в полутени. В коротких темных волосах виднелась седина, а возле левого глаза — две отчетливые складки, которые появлялись, когда он щурился. Возраст угадывался чуть за сорок. Красивым в обычном смысле я бы его сразу не назвала: слишком неровная линия носа,

упрямый подбородок. Но лицо хотелось рассматривать.

Он терпел минут пять. Потом попробовал посмотреть на рисунок. Я прижала лист к себе. Он развел руками, и мы снова улыбнулись друг другу.

Я нарочно утяжелила ему брови. Подумала, что потом исправлю. Потом оказалось жалко живого, слегка сердитого выражения.

Когда вернулся Феликс, я как раз растирала пальцем тень под скулой.

— Вы познакомились, — сказал он с удивлением.

— Очень содержательно. Обсудили театр и плохую осанку. Как его зовут?

Феликс обратился к мужчине. Тот встал, выслушал, ответил несколькими фразами. Его взгляд задержался на моей сумке и снова вернулся к лицу.

— Леон Вельсар, — перевел Феликс. — Он говорит, что у Мирты есть свободные комнаты. Она принимает художников.

— Скажите, что я Ася. Анастасия Воронцова, если для книги.

Феликс перевел. Леон произнес мое короткое имя, осторожно выделив первый звук. Я кивнула.

— Ася, — повторил он уже увереннее.

Мне понравилось, как это получилось.

Служитель нашелся, но ночное оформление заняло куда больше времени, чем обещал Феликс. Меня посадили

за стол, переписали сведения с паспорта, велели нарисовать схему театрального коридора. Феликс переводил каждый вопрос. На словах о возрасте я вдруг почувствовала себя нелепо: тридцать семь лет, взрослый человек, а сижу в чужом учреждении и объясняю, почему не посмотрела под ноги.

Леон остался на галерее. Иногда я видела его через открытую дверь. Он разговаривал с охранником, тот смеялся, показывал что-то на своем рукаве. Затем оба помогли ночному служителю переставить тяжелый сундук. Все это выглядело до обидного обыкновенно.

К тому времени, когда мне выдали временную записку для хозяйки дома, небо над двором посветлело. Из города донесся первый удар часов. Охранник, только что смеявшийся рядом с Леоном, вдруг отступил от него на полшага.

Леон уже держал в руке открытый футляр.

Охранник что-то спросил. Другим голосом: ровным, служебным. Взял протянутую карточку, поднес к фонарю, долго сравнивал изображение с лицом стоявшего перед ним человека.

Я перевела взгляд на Феликса.

— Они же знакомы.

Он посмотрел на галерею, затем на меня.

— Завтра… — начал он и осекся. — Лучше спросить у него самого, когда у вас будет знак.

Леон забрал документ. На его лице не было ни удивления, ни возмущения. Он застегнул футляр одним привыч-

ным движением, поднял мою сумку, но прежде вопросительно посмотрел на меня. Я кивнула.

Мы вышли из Палаты втроем. Утренний воздух остыл. Феликс говорил о доме художников, о завтраке, о том, где ждать его после нескольких часов сна. Я слушала вполуха и смотрела на мужчину, который шел рядом с моей сумкой.

У двери гостевого дома он вернул ее мне и произнес мое имя. Больше я ничего не поняла. Портрет остался зажат у меня под папкой; я вспомнила о нем, когда Леон уже спускался по улице.

Я хотела окликнуть его, но незнакомый город вдруг качнулся от усталости. Женщина в широком домашнем платье взяла меня за локоть, Феликс что-то объяснил ей, и передо мной открылась лестница наверх.

В комнате было узкое окно, кувшин с водой и покрывало цвета недоспелого абрикоса. Я положила рисунок на стол, сняла обувь и только тогда заметила, что все еще держу в кулаке короткий шнурок.

Прежде чем лечь, я написала Ире сообщение, которое телефон не смог отправить: «Я жива. Со мной случилась ужасная нелепость. Вернусь и расскажу».

Потом посмотрела на сердитые брови нарисованного мужчины.

— Тебе надо было улыбаться, — сказала я ему.

И заснула в чужом мире, не успев решить, какой из заданных вопросов был самым важным.

Глава 2. Утро без знакомства

Проснулась я от стука посуды и сразу обрадовалась: в квартире у Иры по утрам точно так же хлопала дверца шкафа. Еще не открыв глаз, я приготовилась сказать, что сама сделаю завтрак. Потом под ладонью оказалось грубоватое незнакомое покрывало.

На стуле лежала вчерашняя одежда. На столе — рисунок мужчины, с которым я разговаривала без слов. В окно было видно светлую стену соседнего дома и белье, натянутое через двор на веревках.

Я села, обхватила колени и некоторое время просто дышала.

Феликс пришел, когда я спускалась по лестнице. В дневном свете он оказался моложе, чем мне почудилось ночью, и гораздо сильнее смущался. Хозяйка поставила передо мной тарелку с мягкой лепешкой и миску абрикосов, потом произнесла длинную фразу.

— Мирта говорит, что завтрак она вам оставила, а обед держать не обещает, — перевел Феликс. — У нее работа.

— Передайте, что я благодарна. И спросите, пожалуйста, где здесь можно умыться как следует.

Мирта выслушала, засмеялась и ткнула его пальцем в грудь. Даже без перевода я поняла, что это не похвала.

— Она спрашивает, почему я не показал вам умывальную

ночью, — признался он.

— Потому что ночью я могла заснуть стоя.

Мирта дождалась перевода, посмотрела на меня и понимающе кивнула. Это было приятно: в ее взгляде я оказалась усталой женщиной, а не загадочным происшествием.

В Палате переходов нас приняли в комнате с открытыми ставнями. Вчерашний служитель сменился женщиной с коротко подстриженными волосами. Она выслушала Феликса, перечитала запись и положила передо мной на стол маленькую медную вещицу на шнурке.

— Речевой знак, — сказал он. — Обычный гостевой. Должен касаться кожи.

— А если я его сниму?

— Снова перестанете понимать местную речь.

— Читать я смогу?

— Обычное письмо. Профессиональные сокращения он не объясняет, и мыслей ничьих вы не услышите.

— Очень кстати. Я и словами пока перегружена.

Я надела знак. Металл оказался прохладным, затем быстро согрелся.

— Назовите, пожалуйста, полное имя, — сказала женщина за столом.

Я вздрогнула так заметно, что она остановилась.

Звуки ее речи оставались незнакомыми. Но я понимала слова. Это было похоже на то странное состояние перед сном, когда еще слышишь чужой разговор, но уже видишь

его смысл отдельной картинкой. Я сжала медный край пальцами.

— Анастасия Воронцова.

Женщина повторила, записывая. Я уставилась в лист. Знаки складывались в понятное имя, хотя написать их сама я бы не сумела.

— А писать я смогу?

— Смысл фразы знак поможет составить, — ответила женщина. — Но рукой он не водит. Сначала придется копировать буквы. Я дам вам лист с образцами, попробуете на коротких записках.

— У меня сейчас голова кругом.

— Сделаем перерыв, — предложила она.

— Нет. Если вы еще раз скажете «завтра», я начну стучать вашей печатью по столу.

Феликс кашлянул. Женщина посмотрела на него с явным удовольствием.

— Сегодня, — твердо сказала она. — Меня зовут Эвра. Я оформлю все сегодня.

Она не обманула. Я получила разрешение на возвращение, билет на следующий рейс и бумагу, подтверждавшую оплату комнаты и завтраков на первые семь дней. Компенсацию на питание и мелкие расходы выдали монетами в тканевом мешочке. Эвра назвала сумму, объяснила обозначения и попросила меня пересчитать деньги самой.

Билет я прочитала три раза.

— Здесь написано, что я могу перенести поездку?

— Можете. Нужно сообщить до закрытия списка. Разрешение на возвращение не исчезнет, если вы решите задержаться.

— А рейс точно приведет в мой театр?

Феликс положил ладонь на край стола.

— Точно. Зарегистрированную точку проверяет проводник. Время у вас и здесь идет одинаково. Через семь дней после вчерашнего перехода я встречу вас у каменной стены над лестницей, где мы оказались вчера.

— На восьмой день, считая вчерашний первым, — уточнила я.

— Да.

Мне нужна была именно эта сухая подробность. Я достала свой блокнот и записала крупно: «ДОМОЙ — ДЕНЬ 8».

— Письмо сестре можно отправить раньше?

Эвра покачала головой.

— По вашему маршруту почту везут с рейсом. Отдельного отправления до него нет.

Я долго смотрела в блокнот, потом закрыла его. Ира будет сердиться. Сперва испугается, потом рассердится так, что мне придется сидеть молча и слушать. Я вдруг очень захотела сидеть и слушать именно ее.

На выходе я спросила Феликса, куда вчера ушел Леон.

— Хотите вернуть рисунок?

— Да. И шнурок.

— Его часто можно найти в канатной мастерской Доры Вельт, на Верхнем подъеме. Провести вас?

— Покажите на плане. Мне нужно научиться ходить здесь самой.

Он разложил передо мной схему города. Гостевой дом стоял у площади Миндаля, мастерская — выше, примерно в двадцати минутах ходьбы. Я обвела оба места карандашом и обнаружила, что уже различаю часть улиц, по которым мы прошли ночью.

— А вы откуда знаете русский?

— Учился. Это мой рабочий маршрут.

— Значит, никто другой…

— В службе есть еще люди. Но случайный прохожий в Лиаре вас вчера не понял бы.

Я вспомнила собственное театральное выступление и впервые за утро улыбнулась.

До мастерской я добралась не сразу. В одном месте лестница на карте выглядела продолжением улицы, а в жизни пряталась за воротами. Я дважды спросила дорогу и оба раза получала подробные ответы, от которых хотелось смеяться просто потому, что я их понимала.

В мастерской пахло сухим волокном и деревом. Под потолком тянулись канаты разной толщины, на стенах висели кольца с выбитыми числами. За длинным столом стояла широкоплечая женщина в коричневом переднике. Седые волосы она собрала высоко, закрепив двумя гладкими палочка-

ми.

Леон находился напротив нее. Между ними лежал раскрытый журнал.

— По этой работе у меня стоит ваша подпись, — сказала женщина. — Значит, расчет верный. Но почему вы забрали второй образец?

— Потому что первый был из другой партии. Здесь, ниже, ваша же запись.

Она нагнулась над страницей.

— Вижу. Хорошо. Тогда мне нужно ваше удостоверение.

Леон достал футляр.

Я остановилась в дверях. Дневной свет делал сцену еще более нелепой, чем ночью: женщина явно знала, о какой работе идет речь, но смотрела на него с осторожностью хозяйки, к которой явился незнакомый проверяющий.

— Добрый день, — сказала я.

Оба повернулись.

— Леон, я принесла ваш портрет. Вчера забыла отдать.

Он не ответил сразу. Его рука осталась на столе возле открытого футляра.

— Вы получили знак.

— Да. Теперь могу разговаривать и без маленького представления на лестнице.

— Вы меня узнали?

— Конечно. Я не настолько плохо рисую.

Женщина за столом посмотрела на меня с внезапным ин-

тересом.

— Вы чужемирная гостья?

— Со вчерашнего вечера.

— Понятно, — сказала она, хотя мне понятно не было ничего. — Я Дора. Если стоите в дверях, придержите створку: за вами сейчас понесут бухту.

Я отступила. Двое работников внесли огромный круг каната. Леон подхватил край, помог уложить груз на деревянные козлы, потом вернулся к столу.

— Дора, я проверю третью партию после обеда. А сейчас мне нужно выйти.

— Мы договаривались до полудня.

— До полудня — первую и вторую. Они готовы. Третью вы добавили сегодня.

Она перечитала журнал и кивнула.

— После обеда. Только оставьте отметку.

Он записал несколько слов, получил от нее сложенную квитанцию и повернулся ко мне.

— Пойдемте. Здесь скоро начнут тянуть, будет шумно.

Мы вышли во двор, где на стене грелась крупная серая кошка. Леон сел на низкую ограду, я осталась стоять.

— Она вас забыла? — спросила я.

Он поднял на меня глаза.

— Да.

— И охранник ночью тоже?

— На рассвете. Вы видели?

Я кивнула.

Леон положил футляр рядом с собой.

— Со мной заключен обет. Каждый рассвет люди этого мира перестают узнавать меня. Они помнят, что существует такой человек, если знают это. Помнят работу, события, собственную жизнь. Дора знала, что проверку делал Леон Вельсар. Утром она должна убедиться, что мужчина перед ней и есть Леон Вельсар.

Я присела на ограду, оставив между нами папку.

— Но вы же вчера разговаривали. Смеялись.

— Вчера она знала меня лично. Сегодня снова прочитала запись.

— И так каждый день?

— Каждый.

Во дворе скрипнуло окно. Кто-то вытряхнул тряпку, кошка недовольно сдвинула уши. Я посмотрела на нее, потом на закрытый футляр.

— А вы?

— Я помню все.

— Значит, для вас разговор продолжается, а для нее…

— Для нее он начинается. Не совсем с пустого места. Она доверяет собственному журналу, знает мои расценки и результаты проверок. Иногда к вечеру мы снова приятели. Иногда весь день спорим.

— Почему вы не сказали вчера?

— Вы не понимали меня. И у вас хватало забот.

Он произнес это спокойно, без упрека. От спокойствия мне стало неловко за свой вопрос.

Я вынула рисунок.

— Вот. Тут брови получились гораздо тяжелее, чем нужно. Это моя вина, вы не были таким грозным.

Он взял лист за края. На мгновение угол его рта дрогнул.

— А подбородок?

— Подбородок ваш. За него я не отвечаю.

— Хорошо, что мы сразу разделили ответственность.

Он еще немного рассматривал рисунок, затем перевел взгляд на меня.

— Вы узнали меня до того, как достали лист?

— Я увидела вас в дверях. Вы стояли боком и показывали строку в журнале. Конечно, узнала.

— И помните, как я смеялся?

— Вы смеялись над очень плохой актрисой.

Он выдохнул и опустил глаза к рисунку. Я поняла, что вопрос был задан всерьез, и перестала улыбаться.

— Леон, я правда помню.

— Верю.

Мы помолчали. Мне хотелось сказать что-нибудь утешительное, но всякая готовая фраза выглядела рядом с его футляром дешево.

— Это из-за того, что я пришла оттуда? — наконец спросила я.

— Возможно. Я никогда не разговаривал с чужемирным

гостем два дня подряд. В Лиаре они бывают редко. Сейчас, насколько мне известно, вы одна.

Он не сказал, что ждал меня. Не придвинулся. Только аккуратно положил рисунок в папку, которую я держала на коленях.

— Оставьте пока у себя. У меня сегодня пыльная работа.

— Вы уверены? Я хотела подарить.

— Тогда подарите, когда найдем для него более подходящее место.

Я согласилась и тут же почувствовала, что у разговора появилось продолжение.

К Мирте я вернулась к обеду. Она стояла в общей комнате на стремянке и пыталась снять со шкафа деревянную раму. Увидев меня, спросила:

— Понимаешь теперь?

— Все, кроме причины, по которой вы делаете это одна.

— Потому что все остальные задают вопросы снизу. Подержи.

Я подхватила раму. Она оказалась легче, чем выглядела. Мирта спустилась, отряхнула ладони и забрала из моих рук бумагу об оплате.

— Семь дней. Хорошо. Комната остается за тобой. Если захочешь задержаться, поговорим отдельно. Вода внизу, еда утром, лестницу после полуночи не топать. Здесь живут люди, которые умеют сердиться даже во сне.

— Художники?

— Разные. Но художники громче всех.

Она указала на мою папку.

— Посмотрю вечером, если ты не против. Феликс сказал, что ты работаешь для театра.

— Иногда. Больше пишу портреты.

— Тем лучше. Для театра многие работают, а лица у них выходят как мебель.

Я рассмеялась. Мирта взяла раму, приставила к стене и ушла в глубину дома, уже споря с кем-то о длине полотна.

В комнате я разложила документы на столе. Билет, разрешение, оплаченная неделя. Все, чего я требовала ночью, существовало теперь на бумаге, и это действительно помогало.

Рядом лежал первый рисунок Леона. Я убрала его в папку осторожнее остальных.

Потом достала блокнот и под записью о возвращении домой добавила две строки: «Леон Вельсар. Верхний подъем, мастерская Доры».

Написала и задумалась, зачем это сделала.

Адрес мне был нужен. Имя я и так помнила.

Глава 3. Человек при документах

На следующее утро я обнаружила внизу Леона. Он стоял возле стола Мирты, держа в одной руке шапку, а в другой — свое удостоверение. Мирта изучала карточку с откровенным недовольством.

— Зачем мне это? — спросила она. — Я помню, что вы привели гостью. Феликс записал ваше имя в книге.

— Чтобы вы знали, кому ее отдаете.

— Я никому ее не отдаю. Ася, тебя спрашивают.

Я остановилась на последней ступени. Леон повернулся, и выражение его лица изменилось раньше, чем он успел что-нибудь сказать.

— Доброе утро, — произнесла я. — Вы рано.

— Дора отправила меня за канатами к нижнему складу. Думал, вам будет интересно посмотреть город. Но если у вас дела…

— Дела у меня есть, — вмешалась Мирта. — У нее пока только папка, которую она обещала показать.

— Я покажу после обеда.

— Вот и договорились. Только завтрак сначала.

Мирта поставила на стол еще одну чашку и кивнула Леону. Он хотел отказаться, однако она уже вытащила из шкафа тарелку.

— Через десять минут мне нужна эта половина стола.

Ешьте быстрее.

За завтраком я узнала, что Леон не любит слишком сладкие лепешки, но все равно съедает две, если первую полить водой. Он узнал, что я могу выйти из комнаты с карандашом за ухом, забыв его там со вчерашнего вечера.

— Он вам мешал спать? — спросил он.

— Я спала так крепко, что могла не заметить и раму.

— Хорошо, что Мирта вас не слышит. Здесь лишнее место под рамы всегда требуется.

Из соседней комнаты раздалось:

— Я слышу. И место действительно требуется.

Мы переглянулись. Вчерашний разговор сидел между нами, но уже не занимал весь стол.

На улице оказалось жарко. Каменные стены еще сохраняли прохладу, и мы шли по теневой стороне. Леон нес узкую сумку с инструментами; я — папку, которую по привычке взяла даже на прогулку.

— Вы всегда так ходите? — спросил он, указав на нее.

— С папкой? Почти. Вдруг увижу что-нибудь интересное.

— А если увидите интересное и тяжелое?

— Попрошу вас постоять рядом для масштаба.

— Надеюсь, с более добрым подбородком.

Он свернул под арку, и я едва не прошла мимо. За аркой открывалась длинная лестница с низкими ступенями. Внизу виднелись крыши складов и полоска сухого луга за городской стеной.

— Вы были горным проводником? — спросила я.

— Был старшим. Теперь чаще проверяю то, на чем держатся чужие грузы и люди.

— Из-за обета?

Леон некоторое время шел молча.

— В том числе. На дороге удобнее, когда спутники узнают тебя утром без проверки печатей. Но моя работа мне нравится. И платят за нее вовремя, если напоминать Доре.

— Она забывает заплатить?

— Нет, рассчитывает, что я забуду напомнить о добавленной работе. Здесь память у нас обоих превосходная.

На складе нас встретил худой мужчина с перевязанным бечевкой рукавом. Леон назвал себя, предъявил документ и заказ. Мужчина сравнил печати, достал журнал, нашел нужную страницу. Все шло спокойно, пока он не сказал:

— Мне потребуется подпись старшего приемщика.

— Старший приемщик перед вами.

— В заказе указана мастерская Вельт.

— А в доверенности — мое имя. На обороте, под перечнем партий.

Мужчина перевернул бумагу, прочитал и все равно не отодвинул засов.

— Я не помню, чтобы работал с вами.

Леон положил на прилавок второй документ.

— Поэтому я и принес доверенность.

Я стояла рядом, слушала их и чувствовала, как во мне рас-

тет злость, совершенно несоразмерная разговору о чужих канатах. Мне хотелось громко объяснить этому человеку, что Леон не обязан каждый день заслуживать право войти на склад.

— У вас же все написано, — сказала я. — Что еще нужно?

Леон даже не повернул головы.

— Ася, подождите, пожалуйста.

— Но он…

— Я слышал.

Приемщик посмотрел на меня, потом снова на доверенность.

— Хорошо. Проходите. Второй ряд, левая сторона.

Мы вошли в прохладное помещение. Мне стало стыдно, но стыд тут же захотел превратиться в обиду.

— Я только сказала очевидное.

Леон остановился возле деревянного стеллажа.

— Да. Я тоже. Мне нужно забрать канат, а не убедить его, что он неприятный человек.

— Вы всегда так терпеливы?

— Нет. Поэтому и прошу не начинать ссору раньше меня.

Он говорил ровно, но я услышала раздражение. Сжала край папки.

— Можно было и без такого тона.

Леон посмотрел на мои руки, потом на лицо.

— Можно. Простите. Но я не звал вас защищать меня на складе.

— Поняла.

Это прозвучало суше, чем хотелось. Он не стал добиваться от меня более приятного ответа и занялся работой.

Я отошла к дверям. Несколько минут наблюдала, как он разматывает конец каната, разделяет пальцами тугие пряди, сверяет отметки. Его движения были быстрыми, но не торопливыми. Он провел по волокну короткой металлической пластиной, затем позвал приемщика.

— Вот эту бухту не беру.

— Она из той же партии.

— Бирка из той же. Плетение другое. Посмотрите на четвертую прядь.

Мужчина нагнулся. Они спорили еще немного, уже совсем иначе: о вещи, которую оба понимали. Приемщик принес образец из дальней секции. Леон сравнил их, показал мне место под пальцем.

— Видите, здесь стягивает вбок? Если нагрузка пойдет рывком, край начнет перетираться раньше середины.

— Вижу, — сказала я, и на этот раз действительно увидела.

— Кольцо поможет удержать вес, но плохое волокно не исправит. У каждого кольца есть предел, он выбит снаружи. Если превысить, не надо потом ругать магию за то, что она честно сделала меньше, чем от нее потребовали.

Приемщик фыркнул.

— Вот это я на стену повешу.

— Повесьте лучше список партий. Он у вас под ящиком.

К концу осмотра они уже разговаривали без скованности. Приемщик предложил отправить канаты с ближайшей телегой, Леон согласовал время, подписал приемку и получил копию. Я заметила, что он проверил каждую цифру прежде, чем сложить лист.

На улице он спросил:

— Вы еще сердитесь?

— Немного. Уже преимущественно на себя, что неприятнее.

— На себя не нужно. Я иногда сам говорю лишнее. Просто… если я стою рядом и могу ответить, дайте мне ответить.

— Хорошо. Только вы тоже говорите сразу, а не смотрите так, будто я утащила ваш инструмент.

Он улыбнулся.

— Инструмент я забрал бы молча.

Мы спустились к маленькой площади, где под навесом продавали горячие лепешки с сыром и печеные овощи. Леон предложил пообедать. Я полезла за мешочком монет, он не стал останавливать мою руку.

— За себя я заплачу, — сказала я на всякий случай.

— Тогда я возьму миндаль на двоих, если вы его едите.

— Ем.

— Отлично. На прошлой неделе мне пришлось съесть целый кулек одному.

— Звучит как тяжелое испытание.

— Я справился достойно.

Мы сели за стол у стены. Лепешка обжигала пальцы, на бумаге оставались прозрачные пятна. Мне нравилось, что можно смотреть на еду, на проходящих людей, на крышу, а не все время друг на друга.

— Как вы начали рисовать портреты? — спросил Леон.

— Не с прекрасной истории. Мне нужны были деньги, знакомая попросила нарисовать ее мать. Я согласилась, хотя до этого больше занималась сценой. Мать оказалась гораздо интереснее заказчицы. Мы три вечера разговаривали, я испортила два листа, на третьем получилось.

— И знакомая была довольна?

— Нет. Сказала, что мать выглядит слишком упрямой.

— А мать?

— Попросила второй портрет. Для себя.

Леон засмеялся, и я машинально потянулась к папке.

— Только не опять брови, — предупредил он.

— Теперь я уже знаю, что они умеют подниматься.

— Вы рисуете людей такими, какие они есть, или какими вам нравятся?

Я задумалась.

— Хотела бы сказать, что такими, какие есть. Но я же выбираю, на что смотреть. Иногда слишком быстро решаю, что поняла человека, и потом сама сержусь, когда он не соответствует рисунку.

— Неудобное положение для человека.

— Для художницы тоже.

Я наконец достала мой первый рисунок. Леон развернул его, и мы положили лист между тарелками, прижав углы чистыми монетами.

— Здесь я будто собираюсь запретить людям ходить по лестнице, — сказал Леон.

— Вы так сидели.

— Потому что незнакомая женщина приказала мне не двигаться.

— Я еще не могла ничего приказать.

— Поверьте, получилось и без слов.

Я смеялась, пока он рассматривал лист. Затем он осторожно коснулся края бумаги.

— Можно я все-таки заберу?

— Конечно.

— Я не вчера передумал. Просто не хотел нести его в мастерскую.

— Я поняла.

Он свернул бумагу свободной трубкой, не перегибая, и убрал в жесткий отдел сумки. От этой аккуратности мне стало теплее, чем от солнца на ногах.

После обеда мы шли медленно. У Палаты переходов Леон остановился, посмотрел на соседнюю улицу.

— Есть еще одно место. Палата обетов. Хранитель сможет объяснить, почему вы меня помните. Если хотите спросить.

— Вы хотите?

Он не ответил сразу.

— Да. Я не люблю рассчитывать на то, чего не понимаю.

— Тогда пойдемте.

Палата обетов оказалась невысоким домом с закрытым садом. У входа не было ни колонн, ни величественных статуй. На стене висела доска с часами приема, в коридоре стояли стулья, на одном из которых пожилой мужчина придерживал коленями завернутый сверток.

Леон подал записку через открытое окошко. Служитель прочитал, поднял на него глаза, попросил удостоверение. Я смотрела на доску объявлений и молчала. Леон заметил, но ничего не сказал.

К нам вышел сухощавый седой человек в простом сером камзоле. У него были чернильные пятна на двух пальцах и усталое лицо того, кого оторвали от точной работы.

— Господин Вельсар, — сказал он после взгляда на карточку. — Валес Тир. Вы знаете меня, я должен был начать иначе.

— Я знаю, Валес. Мы хотим задать вопрос о чужемирном госте.

Хранитель посмотрел на меня.

— Вы помните его после рассвета?

— После двух. Вчера и сегодня.

— А знак получили когда?

— Вчера, уже утром.

Валес кивнул, будто это подтверждало его мысль, но с вы-

водом не торопился.

— Мне нужно поднять общую запись круга. Сегодня у меня назначены свидетели, подробного разговора не получится. Завтра утром вы оба сможете прийти?

Я посмотрела на Леона. Он смотрел на меня.

— Смогу, — сказала я.

Хранитель записал время на маленьком листке и отдал его Леону.

— Вопрос понятен. Ничего предпринимать до разговора не нужно.

На улице я спросила:

— А что мы могли предпринять?

— Вы нарисовать еще один портрет. Я начать строить догадки, а потом злиться, если они неверны.

— Значит, обоим лучше до завтра заняться работой.

— Мне еще принимать канаты.

— А мне показывать папку женщине, которая считает лица мебелью.

Леон проводил меня до развилки. Перед тем как уйти, он поправил на плече сумку с рисунком.

— Спасибо, что пришли.

— На склад или сюда?

— И туда, и сюда. Даже с разговором у прилавка.

— Я попробую в следующий раз подождать.

— А я попробую не рычать раньше времени.

Он спустился по лестнице, и я еще несколько секунд смот-

рела ему вслед. Потом повернула к площади Миндаля. В папке лежали мои старые работы, Мирта ждала обещанного просмотра, а завтрашнее утро уже имело время и место.

Я шла быстрее, чем собиралась, и только у дома заметила, что улыбаюсь.

Глава 4. Не единственная на свете

Валес предложил мне снять речевой знак.

Я уже сидела за его столом, готовая слушать объяснение, и от неожиданности переспросила:

— Зачем?

— Чтобы отделить два разных обстоятельства. Вы появились из другого мира и получили местную вещь. Нужно убедиться, что мы не приписываем вещи то, что к ней не относится.

Я сняла шнурок через голову. Хранитель произнес несколько слов. Их смысл исчез так быстро, словно кто-то закрыл передо мной книгу.

Леон сидел справа. Он положил ладонь на стол и вопросительно посмотрел на меня.

— Вас я все еще знаю, — сказала я по-русски.

По его лицу поняла, что он не разобрал ни слова. Тогда указала на него и произнесла:

— Леон.

Он кивнул. Я снова надела знак.

— Достаточно? Честно говоря, мне не нравится терять возможность понимать посреди разговора.

— Достаточно, — ответил Валес. — Знак передает речь и письмо. Он не вводит вас в мировой круг обетов.

На столе лежала раскрытая книга с широкими полями.

Хранитель повернул ее к нам, показал строку, однако не потребовал читать весь разворот.

— Круг связывает уроженцев этого мира с рождения. Вас в нем нет. Поэтому действие обета до вас не доходит.

Я посмотрела на Леона. Он слушал неподвижно, слегка сдвинув брови.

— То есть любой человек с Земли будет его помнить?

— Любой человек из иного мира. Не только вашего.

Я кивнула слишком быстро.

Валес продолжил объяснять что-то о границе круга, а я с досадой обнаружила, что успела почувствовать себя особенной. Три дня назад я искала служебный выход, вчера отдала незнакомому мужчине рисунок, а сегодня уже огорчилась оттого, что мое присутствие не было исключительным чудом.

Это было настолько глупо, что я даже порадовалась строгому столу между нами: можно было смотреть на чернильницу и скрывать лицо.

— А если он уедет туда? — спросила я. — В мой мир?

— Действие проходит по кругу независимо от того, где находятся связанные с ним люди, — ответил Валес. — Родившиеся здесь продолжат забывать его на каждом лиарском рассвете. Чужемирцы смогут знакомиться с ним и помнить, как вы.

— Значит, другой город ничего не меняет, — уточнил Леон.

— Не меняет. Вы это уже проверяли по записям службы.

— Хотел, чтобы Ася услышала от вас.

Хранитель закрыл книгу, оставив между страницами ленту.

— Сейчас в Лиаре нет другого постоянно живущего чужемирного гостя. Поэтому ваш опыт новый для господина Вельсара. Но правило общее.

— Хорошо, — сказала я. — Общее правило надежнее моего особенного таланта.

Леон посмотрел на меня, и мне показалось, что он понял больше, чем я хотела сказать.

Мы уже поднялись, когда я спросила:

— А сам обет можно прекратить?

Валес перевел взгляд на Леона.

— Можно завершить иной уплатой. Об этом стоит поговорить подробно, если вы оба хотите.

— Хотим, — сказал Леон. — Завтра? Сегодня меня ждут у сестры.

— После утреннего приема. Я оставлю вам достаточно времени.

На улице я некоторое время шла молча. Леон не торопил.

— Вы разочарованы? — наконец спросил он.

— Что я не редкое чудо?

— Я хотел спросить, что ответ такой простой.

— Тогда да, я сама испортила себе положение.

Он улыбнулся. Я вздохнула.

— Немного. Мне стыдно, но немного. Было приятно думать, что я умею что-то важное просто потому, что это я.

— Вы нарисовали человека, которого не понимали. И он вас понял.

— Леон, это не то же самое.

— Согласен. С рисунком было труднее.

Он сказал это без торжественности, поправляя ремень сумки, и я перестала искать подходящий ответ.

У развилки он предложил мне зайти к Нерее.

— Сестра хочет познакомиться. Я рассказывал о вас вчера. Она записала.

— Вы уверены, что я не помешаю?

— Если помешаете, она скажет. Обычно довольно быстро.

Керамическая мастерская Нереи занимала первый этаж дома с внутренним двором. На открытых полках стояли миски, кувшины, маленькие плоские блюда. Часть покрывала блестящая глазурь цвета темной сливы, другая ждала своей очереди, матовая и светлая. В глубине двора женщина вытирала руки влажной тканью.

Она была выше меня, с темными волосами, собранными в тяжелый узел. Когда Леон поздоровался, ее улыбка появилась с короткой задержкой.

— Леон? Проходи. Я как раз… Подожди, пожалуйста.

Она достала из кармана сложенный лист. Я отвернулась к полкам, но услышала шорох бумаги и тихий выдох.

— Да. Все верно. А вы Ася. Нерея Вельсар.

— Очень приятно.

— Мне тоже. Простите, у меня здесь вечно руки заняты. Леон, стулья у стены. Нет, другой, этот качается.

— Он качался еще прошлым летом.

Нерея замерла, потом посмотрела на лист.

— Ты уже говорил мне чинить его?

— Много раз.

— Значит, можешь добавить еще один. Я помню, что обещала, и все равно откладываю.

Леон засмеялся и вынес во двор два крепких стула. Она поставила на стол воду и тарелку яблок. В ее движениях было больше решительности, чем в первых словах, и я постепенно перестала бояться пошевелиться.

— Я помню, что у меня есть брат, — сказала Нерея, заметив, как я смотрю на сложенный лист. — Леон, ты объяснил?

— Объяснил.

— Но люди обычно понимают по-своему. Считают, будто я забыла всю семью. Я знаю нашу жизнь. Где росли, как спорили, что он сделал на старой дороге. Только человек, который входит утром, для меня чужой. Приходится соединять его с тем, что я знаю.

Она развернула записку и подвинула к себе, не предлагая мне читать.

— Вчера я написала, что вы смеетесь, когда сердитесь. Это правда?

— Иногда. Но я предпочитаю считать, что умело скрываю.

— Не очень, — сказал Леон.

— Мы знакомы четыре дня. Рано делать окончательные выводы.

— Тогда оставлю место для исправлений.

Нерея улыбнулась. На миг между ними появилось обычное семейное сходство: одинаковая складка у рта, одинаковый наклон головы, когда хотелось возразить.

Она принесла маленький портрет в деревянной рамке. Леон на нем был моложе, лицо круглее, волосы длиннее. Нерея встала рядом с ним, держа изображение перед собой.

— Вот. Это помогает. Та же линия носа, тот же подбородок. Потом удостоверение, подпись, собственная запись. Я понимаю, кто передо мной. Но не могу заставить себя сразу почувствовать, что хочу поправить ему воротник.

— Зато к вечеру вы справляетесь, — сказал он.

— Потому что он у тебя действительно загибается.

Я невольно посмотрела на воротник. Леон поймал мой взгляд, закатил глаза, Нерея рассмеялась.

Потом она сняла с полки небольшое зеркало.

— А иногда ставлю рядом. Так легче сравнить лицо и изображение без того, чтобы бесконечно просить его повернуться. Наверное, это выглядит ужасно.

— Вы пытаетесь разобраться, — сказала я.

— Я знаю. Но он-то должен сидеть и ждать, пока я разберусь.

Леон встал, взял кувшин и налил всем воды.

— Нерея, хватит.

Она убрала зеркало не сразу.

— Я хотела объяснить.

— Ты объяснила.

В его голосе появилось то резкое, что я уже слышала на складе. Нерея опустила глаза, и меня немедленно потянуло вмешаться, хотя вчерашний урок был еще свеж.

— Мы только говорим, — сказала я.

— Обо мне, — ответил он. — В моем присутствии, что, видимо, должно облегчать положение.

— Леон… — начала Нерея.

— Не надо показывать ей еще и список моих привычек. Пусть хоть что-нибудь узнает сама.

Она сложила записку. Несколько секунд никто не говорил.

Я посмотрела на старый портрет. Рисунок был честный, немного жесткий, с хорошо найденными скулами. Его вполне хватало для сравнения лиц. Никакой новой линии, которая могла бы вернуть Нерее прежнее чувство, я добавить не умела.

— Я не стану делать еще один портрет для проверки, — сказала я.

Нерея подняла голову.

— Я не просила.

— Знаю. Говорю заранее, потому что сама уже начала думать, как бы нарисовать точнее. Ваш помогает узнать, кто

пришел. Мой больше этого не сделает.

Леон отвел взгляд. Я встала.

— Мне пора к Мирте. Я обещала заняться работой.

— Вы не обязаны уходить из-за нас, — сказала Нерея.

— Из-за вас я бы осталась. Но работать действительно нужно.

Это было не совсем правдой: Мирта пока лишь просмотрела папку и велела принести дополнительные эскизы. Однако я хотела уйти прежде, чем скажу что-нибудь обидное и бесполезное.

Нерея проводила меня до дверей.

— Я рада, что вы его помните, — сказала она тихо. — Только не думайте, что теперь мне можно перестать стараться.

— Я так не думаю.

— Хорошо. Приходите еще. В другой день у нас может получиться меньше неловкостей.

— А больше нельзя?

Она усмехнулась.

— Можно. Но я постараюсь.

Весь день я рисовала двор Мирты. Рама окна упорно становилась кривой, потому что я смотрела на нее, а думала о другом. К вечеру Мирта встала за моим плечом и сказала:

— Ты либо исправь эту стойку, либо признай, что дом падает.

— Исправлю.

— Завтра покажешь. На голодный желудок у тебя все еще сильнее наклонится.

После ужина раздался стук в наружную дверь. Я спустилась и увидела Леона. В руках у него ничего не было, и я почему-то обрадовалась отсутствию подарка.

— Можно пройти? — спросил он.

Мы сели на скамью во дворе. Над нами сохли два длинных полотна; от них пахло выстиранной тканью и теплой водой.

— Я был груб, — сказал Леон. — С Нереей и с вами. Она знает, я уже поговорил с ней.

— Вам не нравилось, что вас показывают как сложную задачу.

— Да. Но она пыталась объяснить. А вы не просили приносить зеркало. Я мог сказать нормально.

Я провела ладонью по шероховатому краю скамьи.

— Я тоже начала смотреть как художница, которой нужно найти прием. Мне не понравилось, когда я это заметила.

— Вы нашли прием. Ушли.

— Это универсальный, но не всегда удачный.

Он кивнул. Некоторое время мы слушали, как за стеной Мирта передвигает что-то тяжелое и разговаривает с этим предметом в крайне нелестных выражениях.

— Вы действительно не хотите меня рисовать? — спросил Леон.

— Как доказательство — нет. Как человека, если вы сами захотите, могу.

— Тогда я подумаю, каким именно человеком.

— Только не тем, который запрещает лестницы.

Он улыбнулся, и напряжение наконец отпустило мне плечи.

Уходя, Леон напомнил о завтрашней встрече у Валеса. Я сказала, что помню, и лишь после увидела, как он на мгновение задержал руку на дверной ручке.

Обычные слова у меня получались не всегда обычными для него.

Я не стала их исправлять.

Глава 5. Цена свободы

До Палаты обетов мы дошли почти без разговора. Леон спросил, как я спала, я ответила, что хорошо, и рассказала про упрямую оконную стойку на рисунке. Он слушал, улыбался в нужных местах, но дважды пропустил вопрос. На третий раз я остановилась.

— Если вы не хотите сегодня, мы можем перенести.

Он повернулся ко мне.

— Хочу. Просто давно не объяснял это человеку, который будет помнить завтра.

Мне нечего было ответить. Я кивнула, и мы пошли дальше.

Валес принял нас в той же комнате, но книгу приготовил другую. Рядом лежали три листа с печатями. Он предложил сесть и сразу спросил у Леона:

— Вы согласны, чтобы госпожа Воронцова услышала условия вашего обета и его завершения?

— Да.

Хранитель посмотрел на меня.

— Если что-то будет непонятно, перебивайте. Здесь лучше задать лишний вопрос.

Я положила сумку на пол. Леон сцепил пальцы на коленях.

— Обет можно завершить, — сказал Валес. — Для этого предусмотрена иная уплата. Людям возвращаются лич-

ные воспоминания о господине Вельсаре, все связи, которые существовали когда-либо. Взамен камень получает его собственные личные воспоминания за весь срок действия обета.

Я услышала слова, но смысл собрался не сразу.

— За два года и восемь месяцев?

— Сейчас — за этот срок. Если завершение произойдет позже, срок увеличится.

— Он забудет все, чему научился?

— Нет. Навыки останутся. Язык, работа, фактические знания. Имя, жизнь до обета, характер. Он сможет прочесть запись о том, что произошло после, и понять ее. Но прожитого мгновения в памяти не будет.

Леон смотрел на край стола.

— То есть Дора вспомнит его как знакомого человека, — медленно сказала я. — А он ее забудет?

— Они работали вместе до обета, — ответил Валес. — То время останется. Позднейшие разговоры, совместные переживания — уйдут. Известные сведения о мастерской сохранятся.

— А меня он…

Я остановилась. Вопрос прозвучал слишком лично для пяти дней знакомства.

Леон поднял глаза.

— Я буду знать, кто вы и что мы встретились. Если запишу, смогу прочитать подробности. Но самого вечера на лестнице помнить не буду.

Я сжала пальцами ремень сумки.

— А если потом показать рисунок?

— Он увидит рисунок, — сказал Валес. — Возможно, поймет, в каком настроении вы его сделали. Но вечер не вернется.

— Никогда?

— Никогда. Ни через другую вещь, ни после сильного впечатления, ни во сне. Завершение не прячет воспоминания. Оно отдает их.

В комнате было тихо. Из коридора донеслись шаги, кто-то постучал в соседнюю дверь. Мне хотелось, чтобы разговор тоже оказался соседним, чтобы можно было встать и выйти из него к прежнему утру.

— Вы уже знали цену, когда согласились? — спросила я Леона.

— Да. Мне назвали обе возможности.

— Тогда?

— Тогда была другая дорога. И люди под камнем. Я расскажу.

Валес не вмешался. Только придвинул к нему один из листов, и я поняла, что личный рассказ здесь не заменяет условия: они действительно записаны, их можно проверить.

— Как проходит завершение? — спросила я.

— После заявления требуется семь дней на подготовку. Мы передаем печать, сверяем имя, готовим свидетелей и личные вещи. Это срок нашей работы, а не особое положе-

ние небес. День можно выбрать.

— А если разбить камень?

Леон повернул ко мне голову. Я почувствовала себя женщиной, которая предлагает распилить чужой дом, не спросив, где лежит пила.

— Спрашиваю на всякий случай.

— Бытовым инструментом его не уничтожить, — ответил Валес без насмешки. — И повреждение оболочки не отменяет принятой платы. Варианты завершения здесь перечислены полностью.

Он дал мне прочитать короткий раздел. Текст был сухим, понятным и оттого особенно тяжелым. Я дошла до конца, вернулась к началу, еще раз прочла слова о невозвратности.

— Нерея будет помнить все? Даже эти утра, когда сверяла его с портретом?

— Ее собственные утра она помнит и сейчас. После завершения к ним вернется личное узнавание брата и прежнее чувство связи с ним.

Я кивнула. Кажется, больше вопросов о правилах не осталось. Были другие, которым не помогала печать.

Валес собрал бумаги, но один лист оставил у Леона.

— Можете взять перечень. Знакомить с ним кого-либо еще — ваше решение.

Леон сложил лист и убрал в футляр. Мне вдруг захотелось отобрать у него этот футляр, просто чтобы хоть раз он вышел из учреждения с пустыми руками. Я оставила свои руки на

коленях.

В саду Палаты росли низкие деревья с плотными листьями. Между ними стояли две скамьи. Леон указал на дальнюю, где еще оставалась тень.

— Посидим?

Я села рядом. Он некоторое время смотрел на дорожку, затем начал говорить.

— По старой дороге шел обоз. Шестьдесят человек, кроме Нереи и Тавина. Я был старшим проводником. После второго поворота посыпался край, потом опустился большой камень над проходом. Он держался на том, что уже трещало. Часть людей успела выйти. Остальные стояли под сводом с повозками и не могли развернуться.

Я представила толпу, колеса, узкий проход и сразу поняла, что представляю плохо. Театральная декорация ущелья была слишком плоской.

— У дорожной службы хранился камень отзвука, — продолжил Леон. — Его возили для таких случаев. Он мог удержать свод на час. Больше ничего. Камни на земле пришлось оттаскивать руками, повозки разворачивать там, где было место. Я остался последним.

— И согласились.

— Да.

— Вы могли отказаться?

— Мог. Тогда часть людей осталась бы внутри, когда свод опустился.

Он сказал это без нажима. Я посмотрела на его руки. На правой, у основания большого пальца, белела старая узкая отметина; я не знала, связана ли она с тем днем, и не стала спрашивать.

— Сестра была там, — сказала я.

— Сестра и Тавин. И люди, с которыми я работал. И незнакомые. Я не успел решить, кто из них важнее. Решал, сколько времени нужно, чтобы вывести всех.

— Вывели?

— Всех.

Я выдохнула, хотя знала ответ из самой его жизни: Нерея стояла вчера у полок, говорила о качающемся стуле, собиралась замуж. Но услышать это все равно было необходимо.

Леон наклонился, уперся локтями в колени.

— На следующее утро я пришел к сестре. Она открыла дверь и спросила, кого мне нужно. У нее был мой старый портрет. Были письма. Мы разобрались, кто я. Потом я рассказал все еще раз. К вечеру она держала меня за руку. Утром снова открыла дверь незнакомому человеку.

Он замолчал. Над скамьей шевельнулась ветка, пятно света легло ему на запястье.

— Почему вы до сих пор не завершили? — спросила я. — Если возможность была с самого начала…

По тому, как он поднял голову, я поняла, что вопрос прозвучал хуже, чем я предполагала.

— Вы думаете, я не догадался посчитать?

— Нет. Я не это имела в виду.

— А что?

Я открыла рот и закрыла. Хотела сказать, что пытаюсь понять, но это было слишком удобно: такой фразой можно было оправдать любой бестактный вопрос.

— Я увидела, как вам тяжело. И решила, что цена должна быть легче. Не спросив, что вы отдаете.

Он долго смотрел на меня, затем отвел глаза.

— Отец умер уже после обета. До этого мы долго были в ссоре. Глупой, затянувшейся, в которой каждый помнил, что именно ему не простили, и очень плохо помнил, с чего все началось.

Я сидела неподвижно.

— Мы помирились, — сказал Леон. — Не в торжественный день. Я пришел, остался, и разговор наконец получился. Потом были еще встречи. Но тот вечер… Я знаю, как он посмотрел на меня. Как перестал подбирать слова. Если завершу обет, смогу прочесть, что мы помирились. Нерея подтвердит. А сам этого вечера не вспомню.

— Вы боитесь, что он снова останется сердитым на вас? В вашей памяти?

Леон потер ладонью лицо.

— В том числе. И что я останусь тем человеком, который слишком долго не шел к нему. Мне говорят: ты будешь знать, что все исправил. Я понимаю. Но сейчас я это прожил. Разница большая.

Я подумала о родителях. О мелочах, которые нельзя было передать Ире точно: мама поправляет мне шарф, отец делает вид, что не замечает моего дурного настроения, чтобы я сама подошла. Ни одна из этих сцен не была значительна для постороннего человека. Я бы не согласилась назвать их мелкими только потому, что умещались в двух строках.

— Да, — сказала я. — Большая.

Леон повернул ко мне голову.

— Больше вы не будете спрашивать, почему я просто не закончил?

— Так — не буду.

— Хорошо.

Мы просидели еще немного. Я не касалась его. Мне хотелось, но я боялась, что он услышит в этом жалость, а я сама пока не могла уверенно отделить ее от желания просто быть ближе.

Когда мы вышли из сада, день стал жарче. Леон предложил проводить меня, я покачала головой.

— Вы живете выше? Покажите, где. Я еще эту часть города не видела.

— Там мало интересного.

— Это решу я. У меня профессиональное упрямство.

Мы поднимались медленно, останавливаясь в тени. Леон рассказывал, где лестницу перекладывали прошлой зимой, почему на одном доме ставни открывались наружу, а на соседнем нет. Я была благодарна ему за каждую обычную по-

дробность.

Его дом стоял возле мастерской, за невысокой оградой. На подоконнике лежала раскрытая книга, возле двери сушились рабочие перчатки. Внутри виднелась комната с темным столом и полкой. Никакой торжественной пустоты, которую я успела вообразить, пока слушала об обете.

— Хотите воды? — спросил он.

— Хочу. Но могу подождать здесь.

Он вынес две кружки. Мы стояли у ограды, и от близкой стены тянуло теплом. Я выпила почти всю воду, поняла, что снова смотрю на его рот, и поспешно опустила глаза.

Леон заметил. Не улыбнулся, не отступил. Просто взял пустую кружку из моих рук, и наши пальцы соприкоснулись.

— Ася.

— Да?

Он задержал взгляд на моем лице. Я чувствовала, как неловко стою, прижав папку бедром к ограде, как прилипла к спине рубашка, как хочется поднять подбородок и одновременно отвернуться.

Леон первым отвел руку.

— Завтра вы работаете у Мирты?

Я моргнула.

— Да. Если ей понравится исправленное окно.

— Вы говорили, что можете нарисовать меня. Если я захочу.

— Говорила.

— Я хочу.

Я улыбнулась, не сразу справившись с голосом.

— Тогда приходите после обеда. Свет будет хороший.

— И мне нужно заранее придумать лицо?

— Нет. Принесите то, с которым ходите.

Он рассмеялся. Я простилась, сделала несколько шагов вниз и лишь за поворотом позволила себе глубоко вдохнуть.

У меня не было плана, как сделать его жизнь легче. Зато на завтра имелись чистый лист, окно и человек, который сам хотел перед ним сесть.

В тот день этого оказалось достаточно, чтобы дойти до дома без желания бежать.

Глава 6. Место у окна

Мирта рассматривала мои работы так, будто выбирала доски для пола: внимательно, без желания обидеть и без малейшей готовности купить кривую из вежливости.

Я стояла рядом, сцепив руки за спиной. Это всегда помогало не выхватить лист раньше времени и не начать объяснять, почему здесь не успела, а здесь заказчик потребовал.

— Лица хорошие, — сказала она наконец. — Вот это особенно.

На рисунке была пожилая женщина с крупными пальцами и маленьким прищуренным глазом. Первый мой заказ, который тогда так не понравился дочери.

— Ей самой тоже нравилось.

— Правильно делала. А лестница красивая, но пустая. Что на ней происходит?

— В третьем действии героиня спускается к жениху, которого не хочет видеть.

— Тогда почему у нее нет возможности задержаться?

Я посмотрела на эскиз.

— Есть площадка.

— За колонной. Зритель ее потеряет. Вот здесь разверни. Пусть стоит на виду, а жених снизу злится.

Я взяла карандаш и через минуту увидела то, чего три недели не замечала дома.

— Теперь лучше.

— Конечно. Я потому и сказала.

Мирта придвинула ко мне свой план сцены. На нем были отмечены проемы, подвесы и два подвижных щита.

— Для летнего представления нужен садовый двор. Три действия, перемены короткие. Режиссер хочет дальний вид на горы и при этом, чтобы двое актеров могли спрятаться за стеной. Сделай первый эскиз. Не весь мир за один вечер, только расположение. Если возьму в работу, продолжишь серию.

— Сколько времени?

— Сегодня покажешь замысел, завтра обсудим. За первый эскиз вот столько.

Она написала сумму. Я перевела ее в стоимость комнаты, потом в знакомые земные деньги, запуталась и решила, что второй перевод мне сейчас не нужен.

— Это плата за принятый эскиз или за работу?

Мирта подняла глаза с явным одобрением.

— За работу по этому заданию. Одно исправление входит. Если режиссер после этого захочет зимний двор вместо летнего, заплатит еще раз.

— Тогда договорились.

Она подвинула чистый лист и попросила записать имя. Я достала выданный Эврой образец букв. Смысл нужной строки уже складывался в голове, но рука пыталась вести знакомые русские росчерки. Пришлось медленно копировать зна-

ки.

Мирта наблюдала без комментариев, пока я не закончила.

— На вид будто ученик писал, — призналась я.

— Зато прочесть можно. И сумма та же. Позже привыкнешь.

Я еще раз написала имя на обороте ненужного листа, потом короткую фразу о сроке работы. Второй раз получилось ровнее. Знак помогал составить слова, но перепутанную палочку исправляла я сама.

До полудня я забыла обо всем, кроме сцены. Мирта принесла небольшую модель из картона, показала, откуда зрители видят левый угол, и мы полчаса двигали стену, пока два будущих прячущихся актера не обрели достойное место. Мне нравилось спорить с человеком, который мог ткнуть пальцем в слабое решение и тут же предложить проверить его руками.

Когда она ушла по делам, я подняла голову и увидела за окном Леона.

Он стоял во дворе, не решаясь войти в занятую комнату. В руках у него был кулек.

— Вы рано, — сказала я.

— После обеда уже наступило.

Я посмотрела на опустевшую тарелку возле локтя. Обед, оказывается, тоже успел состояться, просто я ела и двигала стену одновременно.

— Тогда вы вовремя. А я беспорядочно.

Он вошел, оглядел стол и осторожно поставил кулек на свободный край. Из жесткого отделения сумки достал первый набросок.

— Принес, чтобы вы знали, каким меня больше не надо делать.

— Его можно было просто описать.

— Нет. Тут особенно убедительные брови. Оставьте пока рядом с новым, до конца работы.

Я развернула лист и положила в папку, чтобы на него не попала вода из стоявшего на столе кувшина. Леон развязал кулек.

— Миндаль. Если не помешает рисунку.

— Рисунку нет. Художница может отвлекаться.

— Я учту как часть расходов.

Мне досталась небольшая светлая комната на первом этаже, которой пользовались по очереди. У окна стоял стул, на стене висел пустой подрамник. Я убрала модель на полку, поставила папку на мольберт и попросила Леона сесть боком к свету.

Он сел слишком прямо.

— Вы опять собираетесь запрещать лестницы.

— Я пытаюсь сидеть прилично.

— Прилично можно и с согнутой спиной.

— Это спорное утверждение. Дора бы не согласилась.

Я переставила стул. Леон послушно поднялся, сел снова и тут же спросил:

— А что именно вы хотите нарисовать?

— Вас.

— Это мы уже выяснили. Но какого меня?

Я задержала карандаш над бумагой.

— Пока не знаю. Начну и посмотрю.

— Мне хотелось бы сидеть в своей рубашке, — сказал он. — А не в том бархатном одеянии, которое висит за вашей спиной.

Я обернулась. На крючке действительно висел темный сценический камзол с широкими рукавами.

— Это для актера. Я не собиралась вас переодевать.

— Хорошо. А то Мирта вчера спросила, какой у меня рост, и посмотрела очень деловито.

— Она на всех так смотрит, если ей не хватает исполнителя. Вы уже могли получить роль.

Леон оглядел камзол с недоверием.

— Тогда пусть это будет человек, который сидит. Я готов сыграть его убедительно.

— Сидит и разговаривает. Иначе вы опять застынете.

— Вот видите, условия меняются еще до начала работы. Сначала лицо, потом рост, теперь уже разговор.

— За разговор я могу заплатить миндалем.

— Моим собственным?

— Другого у нас пока нет.

Он засмеялся, и я быстро наметила линию щеки. Смех тут же исчез, потому что он заметил мое движение и постарался

удержать улыбку.

— Не надо сохранять, — сказала я. — Получится мученик, которому приказали радоваться.

— А вы не ловите меня так явно.

— Работа такая.

Первый час прошел неровно. Леон менял положение плеч, я сердилась, что он двигается, он напоминал, что я сама велела не застывать. Потом я обнаружила, что поставила стул так, что солнце бьет ему в глаза, и весь спор оказался моей виной.

— Вы могли сказать.

— Я думал, вы этого добиваетесь. Вы же велели смотреть немного мимо вас.

— Немного. Не прямо в свет.

— В следующий раз измерьте это ваше «немного» веревкой.

Я переставила стул еще раз, и мы оба расхохотались. После этого рисовать стало легче.

Он рассказал о молодом работнике, который хотел пометить все канаты одинаковыми лентами, чтобы они красивее смотрелись на стене. Я рассказала о режиссере, требовавшем, чтобы нарисованная дверь открывалась «убедительнее», хотя в нее вообще не должен был входить актер. Мы спорили о том, нужно ли изображать вещи красивыми, когда они предназначены для работы. Леон утверждал, что хороший узел красив без украшений; я возразила, что это гово-

рит человек, которому никто не поручал нарисовать узел на заднике величиной с дом.

— Тогда я признаю ваше право на преувеличение.

— Благодарю. Очень щедро.

Мне понадобилось поправить ему воротник. Я подошла, протянула руку и остановилась в нескольких сантиметрах от ткани.

— Можно?

— Да.

Я расправила загнувшийся угол, стараясь не коснуться кожи. Именно из-за этого старания движение вышло медленным. Леон смотрел на мою руку. Я чувствовала его дыхание у запястья и уже не помнила, действительно ли воротник мешал рисунку.

— Нерея была бы довольна, — сказал он негромко.

Я отступила, рассмеявшись больше от смущения, чем от шутки.

— Она все-таки права. Он у вас упрямый.

— Семейная черта.

На листе постепенно проступал человек, который сидел передо мной сейчас: чуть насмешливый, внимательный, с усталым поворотом плеч и длинной складкой рубашки у локтя. Рисунок еще не был готов. Я несколько раз стерла линию рта и наконец оставила ее в покое.

— Сегодня хватит, — сказала я.

Леон поднялся, потянулся, и я отвела глаза раньше, чем

это стало слишком заметно.

— Можно посмотреть?

Я повернула мольберт.

Он молчал дольше, чем мне нравилось.

— Что?

— Ничего. Думаю.

— Это всегда страшные слова перед портретом.

— Здесь я будто собираюсь что-то сказать.

— Вы почти все время что-то говорили.

— А вы слушали?

— Нет, любовалась расположением вашего уха.

Он улыбнулся и снова посмотрел на лист.

— Хорошо. Только не заканчивайте без меня. Я еще хочу посидеть.

— Тогда придется прийти снова.

— Придется.

Он произнес это с таким явным удовольствием, что я не стала прятать собственную улыбку.

К вечеру небо потемнело. Я собиралась купить несколько листов бумаги и пройтись до нижней площади; Леон предложил показать лавку, где бумага не волнилась от первой же капли воды. Мы успели сделать покупку, но на обратном пути дождь застал нас посреди лестницы.

Первые капли ударили крупно и редко. Я подняла голову, собираясь оценить, успеем ли добежать, и получила воду прямо в глаз. Леон взял меня за локоть, направил под арку.

Мы вбежали в узкую галерею, где уже прятались две женщины с корзинами. Дождь превратил ступени в блестящие полосы.

Я прижала сверток с бумагой к груди.

— Хорошо, что вы выбрали надежную.

— Надежная не значит, что ее следует купать.

Он снял легкую куртку и предложил прикрыть сверток. Я уже собиралась возразить, но капля попала под бумажный край. Пришлось придержать ткань вместе с ним. Наши пальцы оказались рядом, и я вдруг перестала смотреть на дождь.

Мы стояли у колонны. Две женщины говорили о цене яблок, потом одна раскрыла широкий зонт, и обе ушли, тесно прижавшись друг к другу. Галерея опустела.

— Вы были женаты? — спросила я.

Леон повернул голову.

— Да. Развелись за пять лет до обета. Она живет в другом городе.

— Извините. Я спросила слишком прямо.

— Мне удобнее прямо. Иначе пришлось бы долго объяснять, почему в доме нет второго набора туфель.

— Туфли можно убирать.

— Моя бывшая жена так не считала.

Он улыбнулся без злости. Я подперла плечом колонну.

— Вы скучаете?

— По некоторым дням. По самой нашей жизни — нет. Мы слишком часто договаривались о том, чего ни один не хотел,

только чтобы не спорить. Потом все равно спорили. А вы?

— Я недавно рассталась. Мы не были женаты. Но жили достаточно долго, чтобы срок стал главным доводом в любом разговоре.

Леон ждал.

— Если я хотела провести выходные одна, он спрашивал, зачем тогда все эти годы. Если не хотела переезжать туда, куда ему удобно, снова вспоминал годы. И я тоже вспоминала. Мне казалось, нельзя столько прожить вместе, а потом признать, что больше не хочется.

— И все-таки признали.

— Не сразу. Сперва пыталась стать той, которой снова захочется. Очень утомительное занятие.

Дождь застучал сильнее, заглушая часть слов. Леон наклонился ближе, чтобы слышать. Я могла видеть мелкие капли на его виске.

— Вы его не любили?

— Когда-то любила. Наверное, долго любила то время, когда любила. Это звучит хуже, чем я думала.

— Звучит понятно.

Я посмотрела на него. Он не пытался сообщить, что сам никогда бы так не поступил, не обещал мне другой жизни. Просто стоял рядом, придерживая куртку на моей бумаге.

— Чего вы теперь хотите? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Работать. Не оправдываться за желание уйти погулять.

Чтобы рядом можно было молчать и это не считалось наказанием. И иногда чтобы меня ждали, но не встречали перечнем потраченных на это минут.

— Довольно много.

— А вы рассчитывали услышать что-нибудь скромное?

— Нет. Сам тоже хочу многое.

— Например?

Он посмотрел на дождь.

— Иногда прийти к кому-нибудь без удостоверения. Поспорить о пустяке и знать, что завтра человек вспомнит, на чем мы остановились. А еще хочу выбраться на хорошее смешное представление. Последние два были ужасными.

— Что с ними было не так?

— Все слишком старались объяснить, где смеяться.

Я рассмеялась.

— Это моя профессиональная боль.

Мы простояли под аркой еще долго, обсуждая уже театр. Леон рассказывал содержание старой комедии и безжалостно пропускал все, что считал скучным. Я дважды просила вернуть пропущенное, потому что иначе не понимала, откуда взялся второй жених. Он признал, что и при просмотре не вполне это понял, но второй жених был смешнее первого, поэтому никто не возражал.

— Мы уже успели обсудить разводы и чужих женихов, — сказала я. — Может быть, хватит говорить друг другу «вы»?

Леон посмотрел на меня с улыбкой.

— Я боялся предложить раньше, чем ты закончишь ругаться из-за стула.

— Я еще не закончила. Но на «ты» ругаться удобнее.

— Тогда договорились.

Когда дождь ослабел, мы пошли к площади Миндаля. Леон нес сверток, я держала край его куртки, чтобы ткань не сползала. Возле дома он вернул бумагу, расправил мокрый рукав и вдруг взял меня за руку.

— На ступени скользко, — сказал он.

Ступень действительно была мокрой. Я поднялась, повернулась к нему, но он не отпустил сразу. Большой палец лежал поверх моих пальцев; я чувствовала тепло его ладони и то, как сама совсем немного сжала ее в ответ.

Из дома донесся голос Мирты, требовавшей закрыть дверь, если никто не собирается входить.

Мы оба улыбнулись.

— До завтра? — спросил Леон.

— До завтра.

Он отпустил мою руку. Я вошла, прижала сверток к груди и послушно закрыла дверь.

В комнате разложила бумагу, сняла влажную рубашку, повесила ее у окна. На столе лежал билет домой. Послезавтра мне предстояло пройти через каменную стену и объяснять Ире целую неделю, которой она не видела.

Я подвинула билет, освобождая место для образца местных букв. На чистом обрезке бумаги медленно написала ко-

роткое слово, потом еще раз, уже без подсказки.

«Завтра».

Получилось неровно, но прочесть было можно.

Глава 7. Отмененный день

К утру мои туфли высохли, но одна стала ощутимо теснее другой. Я сидела на краю кровати, пыталась уговорить ее принять прежнюю форму и злилась, что именно сейчас мне придется идти по Лиару прихрамывая. На столе лежал билет. За неделю его края успели потерять ту казенную остроту, с которой мне вручили надежный путь домой.

В дверь постучала Мирта.

— Если ты уже собрана, спустись. Мне нужно показать тебе два размера задника, пока ты не уехала.

— Я не собрана.

— У тебя одна сумка.

— И две разные ноги.

Мирта посмотрела на туфли, забрала тесную и без всякого почтения к земной обуви втиснула внутрь свернутое полотенце.

— После обеда попробуешь. А пока в моих пройдешь. Только не потеряй: других настолько удобных у меня нет.

Ее домашние туфли оказались бордовыми, с квадратными носами. В них я чувствовала себя женщиной, решительно отказавшейся от надежды понравиться, и это было почти кстати.

Во дворе на длинном столе лежала моя работа. Мирта прижала края дощечками, пододвинула второй, свой лист и

стала объяснять, где сценическая дверь окажется скрыта фигурой актера. Я по привычке начала защищать нарисованную арку, потом присела, посмотрела с нужной высоты и увидела, что она права.

— Вот здесь уберу орнамент, — сказала я. — И расширю светлую часть.

— Уберешь сегодня?

— Да.

Она кивнула, словно это было самым естественным делом: сегодня я поправляла эскиз, завтра уходила в другой мир. С этой естественностью оказалось легче дышать.

Леон пришел, когда я уже смыла с рук краску. Он остановился у ворот и сперва заговорил с Миртой. Та вытерла пальцы о фартук, посмотрела на него внимательно; я видела момент, когда он достал удостоверение. Подошла только после того, как бумага вернулась в карман.

— Хорошая обувь, — сказал он.

— Хозяйка тоже так считает. Поэтому далеко я не пойду.

— Нам и не нужно далеко. Ты освободишь полчаса?

Вчера под аркадой мы медлили, даже когда дождь стал совсем мелким. Сегодня он держал руки за спиной и не смотрел на мои губы. Мне это не понравилось больше, чем я хотела показать.

Мы вышли на площадь. После дождя между плитами темнели узкие полоски земли, торговец стряхивал воду с полотняного навеса прямо на собственную корзину. Леон купил

маленький пакет жареного миндаля. Протянул мне, но сам не взял.

— Я хочу рассказать кое-что до твоего отъезда, — произнес он.

Я перестала разворачивать бумагу.

— Говори.

— Когда ты появилась, у меня уже был назначен день завершения обета. Через три дня я должен был прийти в Палату.

Он сказал это ровно, без особой паузы, и я сначала стала считать. Завтра мой рейс. Потом еще день. Потом он вошел бы туда и вышел человеком, который не узнал бы меня. Мы, может быть, даже не встретились бы больше.

— Должен был?

— Я отозвал заявление. На третий день после твоего прихода. До того, как мы вместе пошли к Валесу.

По площади провезли тележку, дребезжали пустые горшки. Я следила за красным ободом колеса и не могла собрать вопрос. Леон подождал, потом указал на скамью под стеной. Я села. Пакет миндаля остался раскрытым у меня на коленях.

— Из-за меня, — сказала я наконец.

— После встречи с тобой. Это похоже, но я бы все-таки договорил.

Я кивнула слишком резко. Мне стало стыдно за то, как быстро внутри шевельнулась радость. Он собирался запла-

тить за возвращение своей жизни, а я услышала прежде всего: ради меня передумал.

— Я долго назначал этот день, — продолжил Леон. — Прежде чем отнести заявление, трижды переписывал перечень вещей. Все казалось, что какую-нибудь забуду. Глупо, правда? Вещи-то остались бы. Потом выбрал день, получил печать и неделю прожил вполне спокойно. Даже подумал, что это хороший признак. А утром ты пришла к Доре и заговорила со мной так, как будто вчера еще продолжалось.

Он потер большим пальцем бумажный край пакета.

— Мне захотелось узнать, как это бывает дальше. Хотя бы несколько дней.

— Ты мог сказать.

— Мог. А мог в первый же вечер выложить перед тобой весь срок, все бумаги и все свои причины. Только ты еще выясняла, где будешь спать и как вернуться к сестре. Я не хотел, чтобы человек, которого я знаю второй день, решал, можно ли мне передумать.

— Теперь я должна это решить?

— Нет. Я уже решил. А ты завтра уезжаешь.

— И можешь не дождаться меня.

Он посмотрел на раскрытый пакет у меня на коленях.

— Могу. Не думай, что мне легко это сказать.

Я посмотрела на его руки. От работы на пальцах оставались мелкие царапины. Вчера я держала одну из этих рук, а сегодня она лежала рядом на скамье ладонью вверх, ничего

не прося.

— Я сейчас скажу неприятное, — предупредила я. — Мне приятно.

Он поднял глаза.

— Что ты отложил. Что я оказалась важной. Я понимаю, как это звучит после разговора в Палате, но у меня первой появилась именно эта мысль. И я не уверена, что смогу всегда быть лучше ее.

Леон взял один орех, раскусил и некоторое время молчал.

— Мне приятно, что тебе приятно, — признался он. — Вот это, пожалуй, еще хуже. Но я не собираюсь предъявлять тебе счет за отмененное утро.

— А если я начну вести себя так, будто ты мне уже что-то пообещал?

— Я скажу. Вероятно, не самым приятным тоном.

Я усмехнулась. Он тоже, но ненадолго.

— Ася, я не отменил цену. Просто сейчас не плачу. Ты знаешь, что будет, если я однажды вернусь к этому решению.

— Знаю.

Я сказала это тихо, потому что помнить рассказ Валеса и принимать его были разными занятиями. В моем понимании еще не укладывалось, как можно навсегда потерять вечер, который тебя изменил, и остаться собой. Леон уже жил рядом с этим вопросом, завтракал, проверял канаты, покупал миндаль.

— Ты говорил с Нереей? — спросила я.

— Да. И оставил ей копию отмены. Она разозлилась. На следующий день прочитала ее и разозлилась снова, но другими словами. У нас с сестрой хватает постоянства и без помощи памяти.

— На меня?

— На меня. Не занимай мое место в наших семейных ссорах, оно неудобное.

Это прозвучало почти весело, но я услышала просьбу и не стала расспрашивать дальше. Мы посидели еще немного. Мимо прошла женщина с мальчиком, который обеими руками нес огромную шляпу; издали казалось, что шляпа движется сама. Я рассмеялась, показала Леону. Он успел повернуть голову, и наша тяжелая беседа закончилась не ясностью, а чужой шляпой, чему я была благодарна.

На обратном пути он предложил помочь с вещами утром.

— Там нечего нести, — ответила я и тут же поняла, что прозвучало это как отказ от него. — Но мне будет легче, если ты придешь.

— Тогда приду. Когда велел Феликс?

— За час до открытия прохода. Он, кажется, уверен, что без него я уйду в любую подозрительную дверь.

— У него есть основания.

— Одно. Всего одно основание.

Мы остановились у дома Мирты. Мне хотелось спросить, куда он пойдет сейчас, предложить зайти, сесть рядом с моим столом. Вместо этого я сказала, что мне нужно закончить

арку. Леон провел пальцами по моему запястью и отпустил.

Днем я работала медленно. Дважды исправляла то, что уже было хорошо, и наконец Мирта отняла у меня кисть.

— На сегодня достаточно. Если передумаешь возвращаться, пришли через службу размеры остальных эскизов. Я найду, кому продолжить.

— Ты думаешь, я передумаю?

— Я думаю, у тебя есть сестра и дом. И человек здесь, судя по тому, как ты испортила хорошую тень. Не знаю, что ты решишь.

Мне стало легче от того, что она не сделала вид, будто вопрос прост.

— Я могу заплатить за хранение вещей?

— За эту папку? Она займет меньше места, чем твои сомнения. Оставь в верхнем шкафу. Комнату я неделю держать пустой не обещаю, но место найдем, если приедешь.

Я перебрала рисунки. Первый быстрый набросок Леона положила отдельно и долго смотрела на него: незнакомый мужчина, неловко повернувший голову, потому что не понимал, чего хочет от него женщина с карандашом. Я уже видела, где ошиблась с линией подбородка. Исправлять не стала.

Вечером мы с Леоном снова встретились, как договорились на площади. Я принесла маленькую записную книжку.

— Мне нужен адрес. Настоящий. Чтобы письму не пришлось ходить по городу и предъявлять твое удостоверение.

Он написал свое имя, Верхнюю Канатную улицу, номер

дома. Потом добавил отдельной строкой адрес службы переходов для моего ответа.

— Отправления раз в неделю, — напомнила я. — Если я напишу, письмо придет следующим рейсом.

— Я умею ждать почту.

— А я плохо умею обещать. Вчера мне казалось, что я вернусь обязательно. Сегодня я представила свою квартиру и сестру на кухне, и оказалось, что там тоже я.

Леон перевернул карандаш в пальцах, затем вернул мне.

— Напиши то, что будешь знать.

Мы пошли по нижней стороне площади, где лавки уже закрывались. Я рассказывала, как Ирина всегда проверяет, взяла ли я ключи, а потом ищет свои. Леон рассказал, что Нерея однажды три дня хранила его ремень, уверенная, что это ремень Тавина, а Тавин за эти три дня успел заказать новый. Мы обсуждали сестер так, будто могли когда-нибудь усадить их за один стол. Ни он, ни я не произнесли этого вслух.

У ступеней гостевого дома было темно. Фонарь над дверью горел слабо, и я невольно приблизилась, чтобы разглядеть лицо Леона. Он убрал прядь с моей щеки; пальцы задержались у виска. Я подняла голову, и расстояния почти не осталось.

Мне хотелось его поцеловать. От этого простого желания в груди сделалось тесно. Но там же, совсем рядом, шевельнулась другая мысль: тогда он будет ждать поцелованную жен-

щину, а не Асю, которая еще не знает, что скажет сестре.

Я положила ладонь ему на грудь.

— Подожди.

Он сразу остановился, хотя руку убрал не сразу.

— Я сказала что-то не так? — спросила я.

— Ты пока ничего не сказала.

— Я хочу. Но не хочу сейчас делать из этого прощальное обещание. Я могу вернуться. Очень хочу вернуться. А завтра должна все-таки уехать и побыть дома, чтобы не лгать ни тебе, ни себе.

Леон опустил руку. На секунду я увидела обиду, или просто усилие, с которым он принял мое движение; этого нельзя было сгладить красивым объяснением.

— Хорошо, — ответил он. — Только не говори, что так лучше для меня. Мне сейчас не лучше.

— Не скажу.

Я не отняла ладонь, и он накрыл ее своей. Мы постояли так, нелепо задерживая друг друга после вполне разумных слов.

— Завтра придешь? — спросила я.

— Приду.

В комнате я вынула из сумки билет и положила рядом с книжкой, где сох его адрес. Две бумаги никак не спорили между собой. Это делала я.

Глава 8. Неделя дома

У прохода Леон нес мою сумку, хотя я дважды напомнила, что она легкая. Туфли снова были мои, и из-за этого утро почему-то казалось уже земным: знакомая кожа давила на мизинец, я торопилась и проверяла карман с документами.

Феликс ждал у каменного прямоугольника над знакомой лестницей. Здесь я появилась неделю назад; сейчас в стене снова открылся короткий проход. Проводник сверил билет и объяснил, что земной служитель уже получил мою записку с телефоном сестры. Мы подождем, пока он ей позвонит: рейс оставался открытым до окончания проверки груза.

— Я сама, — произнесла я, принимая сумку.

— Вижу, — ответил Леон.

Мы оба улыбнулись без особого успеха. Я обняла его первой. Он положил руку мне на спину, прижал крепче, чем я ожидала, и я почти сразу пожалела, что сама остановила вчерашний поцелуй. Но пожалеть о своем решении не значило, что оно было чужим.

— До письма, — сказала я ему в плечо.

— До письма.

Феликс ничего не напоминал. Только взял мою папку, когда я наконец отошла.

В земном театре пахло пылью, нагретой проводкой и влажной тряпкой. Я остановилась посреди служебного кори-

дора, потому что над дверью висела кривая табличка, которую помнила много лет. Серая краска на стене облупилась в форме собаки. За неделю собака не изменилась. Мне захотелось коснуться ее рукой, но в этот момент в конце коридора появилась Ирина.

Она стояла с телефоном и моим легким плащом через локоть. Земной служитель дозвонился до нее только сегодня, после открытия прохода. Ирина уже была неподалеку: за эту неделю она приходила в театр каждый день. Теперь, увидев ее, я поняла, насколько переоценила собственное красноречие.

— Ася, — сказала сестра.

И больше ничего. Подошла, ухватила за плечи, посмотрела на меня, потом мимо меня, в дверь. В ее проеме за спиной Феликса еще оставались видны светлая стена Лиара и край высокого окна. Ирина сделала шаг, но проводник вежливо поднял руку.

— Дальше пока не надо. Вы не внесены в список, а сейчас закрытие. Можно смотреть отсюда.

Она посмотрела. Повернулась к ближайшему земному окну, за которым теснились кирпичные дворы, снова к двери. Я увидела, как побелели костяшки ее пальцев на ремне сумки.

— Это что?

— Длинная история, — сказала я.

— У тебя есть короткая часть, с которой можно начать?

Феликс представился и объяснил достаточно, чтобы не

оставить меня женщиной, неделю разыгрывавшей сестру. Он показал свои бумаги, назвал дни рейсов, оставил земный адрес службы. Ирина слушала так, как когда-то слушала мастера, затопившего ее кухню: без доверия к интонации и с вниманием к каждому обещанию.

Когда проход закрылся и за дверью оказался обычный кладовой отсек, она спросила:

— А назад тебя точно не втянет?

— Нет, — ответил Феликс. — Только по оформленному намерению.

— С ней раньше тоже все было оформлено?

Он принял вопрос без раздражения. Сказал, что первый случай был ошибкой, и повторил, какие меры теперь действовали при служебной двери. Сестра записала его имя. Я стояла рядом, чувствуя себя одновременно тридцатисемилетней самостоятельной женщиной и той младшей, которая принесла домой найденного щенка, а последствия объясняла Ира.

В машине она молчала первые две улицы. Потом протянула мне плащ.

— Надень. У нас прохладнее, чем там, где ты гуляла.

Дома я поставила чайник, а она пошла проверять, что есть в холодильнике. Это была моя квартира, но Ирина безошибочно нашла сковороду, доску и полотенце, которое я обычно не могла найти сама.

— Ты неделю не отвечала, — сказала она, стоя спиной ко

мне. — Я сначала злилась. Потом обзвонила всех, кого знала. Подала заявление. В театре меня уже узнают со спины. А сегодня этот человек звонит и говорит, что ты сейчас появишься. Я думала, пока добегу, он передумает.

— Ира, я не могла позвонить.

— Я теперь вижу. Но неделю я этого не видела.

Я подошла, обняла ее сзади. Она постояла неподвижно, потом накрыла мою руку.

— Дай лук порезать, пока я добрая.

До еды мы позвонили по номеру, который оставили Ирине при обращении. Я сама назвала себя и сообщила, что вернулась, что со мной все в порядке и искать меня больше не нужно. Записала, куда подойти с документом, и в тот же день выполнила эту просьбу. Затем отправила короткие сообщения людям, которых сестра подняла на ноги. Только после этого пустой телефон перестал казаться безобидной вещью.

Мы ели почти в полдень. Я рассказывала про Мирту, площадь, речевой знак, работу и каменные лестницы. Ирина задавала практические вопросы: сколько стоит комната, кто принимает оплату, что делать, если потеряется знак. Я отвечала, где знала, и записывала то, что еще предстояло выяснить. На рассказе о Леоне сестра перестала подталкивать мне хлеб.

— Мужчина, — произнесла она.

— Там и другие есть.

— Другим ты не посвятила двадцать минут и три попытки

объяснить выражение лица.

Я рассмеялась, но рассказ продолжила уже без попыток спрятать главное. Ирина не перебивала, пока я говорила об обете. Только отодвинула тарелку, когда дошла до цены освобождения.

— Значит, он может тебя забыть.

— Да.

— А сейчас решил этого не делать.

— Решил отложить. До меня он собирался завершить все через несколько дней.

— И сказал тебе?

— Сам. Вчера.

Она встала, забрала чашки и долго споласкивала их, хотя в этом не было необходимости. Я уже знала этот звук: сестра подбирала выражения, чтобы они не получились грубее мысли.

— Ты хочешь к нему вернуться, — сказала она наконец.

— Хочу.

— Ася, вы знакомы неделю. Он тебе вообще что-нибудь обещал?

— Нет. И я ему тоже.

— Тогда я не понимаю, почему ты уже говоришь о комнате там так, будто это почти переезд.

Меня задело слово «уже». Будто я опять поспешила и теперь должна была остановиться, чтобы старшая успела проверить путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.